
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(47).083

К ВОПРОСУ О СТЕРЕОТИПАХ В ОЦЕНКАХ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

А. М. КАПИТОНЕНКОВ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Апрелевка, Московская обл., Россия

На основании речей, циркуляров и личной переписки П. А. Столыпина, а также других материалов раскрываются цели, содержание и методы проведения масштабных аграрных преобразований начала XX в., которые вошли в историю под названием «Столыпинская аграрная реформа». Несмотря на более чем столетнюю традицию изучения и обширную историографию, аграрные преобразования П. А. Столыпина остаются предметом острых научных и политических дискуссий. В исследовании рассмотрены наиболее распространенные стереотипные представления о Столыпинской аграрной реформе и ее оценки, показана их несостоятельность.

Ключевые слова: Столыпинская аграрная реформа; аграрное законодательство; сельское хозяйство; крестьянство; сельская община; землепользование; землеустройство.

ДА ПЫТАННЯ АБ СТЭРЭАТЫПАХ У АЦЭНКАХ СТАЛЫПІНСКАЙ АГРАРНАЙ РЭФОРМЫ

А. М. КАПІТОНЕНКАЎ^{1*}

^{1*}Незалежны даследчык, г. Апрэлеўка, Маскоўская вобл., Расія

На аснове прамоў, цыркуляраў і асабістай перапіскі П. А. Сталыпіна, а таксама іншых матэрыялаў раскрываюцца мэты, змест і метады правядзення маштабных аграрных пераўтварэнняў пачатку XX ст., якія ўвайшлі ў гісторыю пад

Образец цитирования:

Капитоненков АМ. К вопросу о стереотипах в оценках Столыпинской аграрной реформы. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2020;3:44–53. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-44-53>.

For citation:

Kapitononkov AM. On the issue of stereotypes in the assessments of Stolypin agrarian reform. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;3:44–53. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-44-53>.

Автор:

Алексей Михайлович Капитоненков – независимый исследователь.

Author:

Alexey M. Kapitononkov, independent researcher. kapi-ale79@mail.ru

назвай «Сталыпінская аграрная рэформа». Нягледзячы на больш чым стагадовую традыцыю вывучэння і вялікую гістарыяграфію, аграрныя пераўтварэнні П. А. Сталыпіна застаюцца прадметам вострых навуковых і палітычных дыскусій. У даследаванні разгледжаны найбольш пашыраныя стэрэатыпныя ўяўленні пра Сталыпінскую аграрную рэформу і яе ацэнкі, паказана іх неабгрунтаванасць.

Ключавыя словы: Сталыпінская аграрная рэформа; аграрнае заканадаўства; сельская гаспадарка; сялянства; сельская абшчына; землекарыстанне; землеўладкаванне.

ON THE ISSUE OF STEREOTYPES IN THE ASSESSMENTS OF STOLYPIN AGRARIAN REFORM

A. M. KAPITONENKOV^a

^a*Independent researcher, Aprelevka, Moscow region, Russia*

The article, based on speeches, circulars and personal correspondence of P. A. Stolypin, as well as other materials, reveals the goals, content and methods of large – scale agrarian reforms of the beginning of the 20th century, which went down in history as the Stolypin agrarian reform. Despite more than a century of study and a huge historiography, P. A. Stolypin's agrarian transformations continue to be the subject of acute scientific and political discussions. At the same time, P. A. Stolypin's agrarian transformations have always been and still remain one of the most politicized topics in Russian history, and this has fully affected their study. This study shows the inconsistency of a number of stereotypical ideas that prevent an unbiased approach in evaluating the reform.

Keywords: Stolypin agrarian reform; agrarian legislation; agriculture; peasantry; rural community; land use; land management.

Личность и реформаторская деятельность П. А. Столыпина не обделены вниманием исследователей. Еще при жизни Петра Аркадьевича проводимые им преобразования стали предметом острых научных и политических дискуссий. В итоге за прошедшие десятилетия вокруг Столыпинской аграрной реформы сложился ряд стереотипных представлений, которые прочно укоренились в массовом сознании, проникли в научную литературу, школьные и вузовские учебники.

За последние 20–25 лет немало сделано для преодоления стереотипов и мифов, связанных со Столыпинской аграрной реформой. В работах Э. М. Шагина, В. Г. Тюкавкина, И. И. Климина, М. А. Давыдова и других исследователей представлен новый, свободный от прежних идеологических установок анализ целей и результатов аграрных преобразований начала XX в. Однако по-прежнему в ряде исследований сохраняются стереотипные оценки.

Один из наиболее распространенных стереотипов заключается в том, что П. А. Столыпин в ходе реформирования российской деревни якобы ставил главной целью полное разрушение общины. В советской историографии, которая находилась в жестких рамках марксистско-ленинской методологии, безусловное господство получил тезис о крахе Столыпинской аграрной реформы. В качестве неоспоримого доказательства этого утверждения приводились данные, легко воспринимавшиеся общественным сознанием, согласно которым

из общины, несмотря на все старания правительства, вышла только четверть крестьян. Аналогичные оценки весьма широко распространены и в работах современных исследователей. Так, известный историк-аграрник А. М. Анфимов нисколько не сомневался в «крахе реформы, направленной на буржуазную перестройку российской деревни» [1, с. 264]. С. В. Максимов полагает, что, «хотя реформа и была воспринята частью крестьянства, большинство сельского населения за 10 лет ее проведения не сочло для себя нужным, а главное, возможным выйти из общины. Не помогли здесь ни пропаганда, ни административное воздействие на общину» [2, с. 135]. А. В. Ефременко, выдвинувший концепцию земской альтернативы Столыпинской реформе, утверждает, что «с точки зрения аграрного развития того времени реформа была всего лишь случайностью», она «не являлась объективно необходимой, что принципиально исключало саму возможность превращения ее в развитую действительность» [3, с. 25–26]. Подобного мнения придерживается и Н. А. Дунаева: «Вместо изменения системы землепользования внутри общины, что действительно назрело и было необходимо, правительство стало на путь полного уничтожения этого социального института» [4, с. 85].

Однако такой односторонний подход говорит о поверхностном суждении и неправильном понимании стратегических целей столыпинского реформирования. В своих речах на заседаниях 2-й Государственной думы и Государственного совета

П. А. Столыпин, отвечая на критику выбранного курса, неоднократно разъяснял позицию правительства, истинные предпосылки к аграрной реформе и ее цели. Так, еще на посту саратовского губернатора во всеподданнейшем отчете за 1904 г. П. А. Столыпин обозначил общие черты будущей земельной реформы, в результате которой, «наряду с общиной, где она жизненна, появился бы самостоятельный зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли» [5, с. 71].

Весьма полная формулировка основных целей реформирования была представлена П. А. Столыпиным в его выступлении во 2-й Государственной думе 10 мая 1907 г.: «...цель у правительства вполне определена: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным... Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть она будет наследственная» [6, с. 93–94].

Эту мысль П. А. Столыпин развивал и в речи перед депутатами 3-й Государственной думы в начале декабря 1908 г.: «В основу закона 9 ноября положена определенная мысль, определенный принцип. <...> В тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определенное развитие, где община, как принудительный союз, ставит преграду для его самостоятельности, там необходимо дать крестьянину свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью; надо дать ему власть над землею, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя. <...> Закон вместе с тем не ломает общины в тех местах, где хлебопашество имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли» [7, с. 61]. Эти слова П. А. Столыпина не допускают двойного толкования: его подход к проблеме общины являлся продуманным, дифференцированным, реформатор учитывал региональную специфику огромной страны. При этом нет никаких оснований сомневаться в искренности слов П. А. Столыпина.

В своей речи в Государственном совете 15 марта 1910 г. глава правительства, весьма оптимистично оценивая успехи реформирования, отметил, что «при такой же успешной работе, еще через 6–7 таких же периодов, таких же трехлетий, общины в России – там, где она уже отжила свой век, – почти уже не будет» [6, с. 248]. Как можно видеть, П. А. Столы-

пин снова говорил не о всей стране, а только о тех регионах, где община уже изжила себя и являлась тормозом для агротехнического прогресса крестьянского хозяйства. Кроме того, в своей речи премьер в очередной раз обращал внимание на невозможность и нежелание правительства «производить какую-либо насильственную ломку».

Таким образом, П. А. Столыпин никогда не выступал за немедленный и повсеместный слом общины, он последовательно высказывался за сохранение различных форм крестьянского землевладения и землепользования. Реформаторский курс П. А. Столыпина не являлся слепой атакой на общину, безоглядно ломавшей традиционные устои русской деревни и противоречащей желаниям крестьянства. Напротив, известные современные исследователи крестьянской общины О. Г. Вронский [8] и Д. В. Ковалев [9; 10] отмечают в аграрном законодательстве П. А. Столыпина ряд серьезных правовых компромиссов и уступок по отношению к общине, учет особенностей крестьянского правосознания. Премьер, прекрасно понимая нецелесообразность скорейшего и полного распада общины, считал необходимым сохранить ее там, где она была жизнеспособна, где переход к индивидуальному хозяйству не принес бы крестьянам больших выгод. Этим была обусловлена неравномерность в выходе крестьян из общины, что подтверждает правоту П. А. Столыпина. Указ от 9 ноября 1906 г. использовался крестьянами там, где община разлагалась, и не был востребован в регионах, где община еще не достигла такой стадии. В этой связи О. Г. Вронский отмечает, что «если бы правительство действительно вступило на путь повсеместной ликвидации общинного землевладения, то оно должно было бы ввести в закон требование обязательного выдела наделной земли к одному месту, а также предельно упростить процедуру выхода из общины отдельных домохозяев и целых обществ», чего сделано не было [8, с. 232].

Программа реформирования, предложенная П. А. Столыпиным, не предполагала унифицированного подхода ко всем крестьянам. Им предоставлялся весьма широкий выбор новых условий хозяйствования, не ограниченных лишь хуторами, создание которых предполагалось только в тех случаях, когда это было возможно, исходя из местных условий. О невозможности разбить все крестьянские земли на хуторские участки говорил в своей речи в Государственной думе 24 октября 1908 г. товарищ министра внутренних дел А. И. Лыкошин, подчеркивая при этом, что «такой мысли никогда не приводилось ни в Указе 9 ноября, ни в соображениях к нему» [11, с. 252]. Сам П. А. Столыпин в письме к В. Н. Коковцову от 7 июля 1907 г. отмечал: «Никогда и никто не предлагал нашим посланцам силком навязывать хутора...» [12, с. 158]. Местные условия в ходе Столыпинской аграрной реформы, как резонно заметил Д. В. Ковалев, не просто учитывались,

«но и оказывали решающее влияние на их масштабы, характер, динамику и логику развития на различных этапах реформирования» [9, с. 82].

Указ от 9 ноября 1906 г., положивший начало коренному переустройству деревни, предоставлял право свободного выхода из общины тем крестьянам, которых сковывали рамки общины и которые желали из нее выйти, чтобы более рационально и эффективно хозяйствовать на собственной земле. Как отмечал известный экономист-аграрник Л. Н. Литошенко, «чувство собственности, сменившее неопределенные права временного пользования, само по себе удесятерило силы мелких землевладельцев» [13, с. 141]. Не менее показательным в этом плане мнение подмосковного крестьянина С. Т. Семенова, который на основании собственных наблюдений и практического опыта писал, что выделы из общины «дают труженику землю свободную, и на такой земле есть возможность проявить всю ту хозяйственную самостоятельность, на которую только человек и способен. При свободной земле могут беспрепятственно развиваться те творческие задатки человека, которыми богат и русский крестьянин и которым гнет мирского большинства не давал хода» [14, с. 85].

Не следует забывать тот факт, что распад общины начался по инициативе самих крестьян задолго до Столыпинской аграрной реформы. Усиление противоречий между крестьянами, развитие индивидуализма способствовали трансформации общинного строя и изменению жизни в деревне: многие крестьяне переставали нуждаться в общине как в институте, который уже не гарантировал им достойного существования, тормозил развитие хозяйства, стесняя личную свободу наиболее предприимчивых земледельцев. Так, по подсчетам известного исследователя социальной истории России Б. Н. Миронова, за период после реформы 1861 г. к началу столыпинских преобразований около 3,7 млн дворов, или 39 % всех крестьян – членов передельных общин, разочаровались в традиционных общинных порядках или полностью утратили доверие к ним [15, с. 231]. При этом в некоторых губерниях (Витебской, Волынской, Псковской и др.) еще до реформы были отмечены массовые расселения крестьян на хутора [15, с. 212]. Известный историк В. Г. Тюкавкин сделал аналогичный вывод: предпосылки реформы были созданы гораздо раньше, что связано с отказом многих общин от традиционной земельно-распределительной функции (в 58 % общин 40 губерний Центральной России не проводилось переделов после отмены крепостного права) [16, с. 185]. На это обстоятельство обращали внимание и дореволюционные исследователи [17].

Следовательно, для многих крестьян община была в тягость и они воспринимали прогрессивные

инновации. На таких крестьян, а вовсе не на кулаков, как о том в один голос утверждала советская историография, и была сделана ставка в правительственной программе реформирования. Эта мысль отражена П. А. Столыпиным и в цитированном выше отчете за 1904 г., и в его интервью корреспонденту газеты «Волга» [5, с. 485].

Указ от 9 ноября, отвечая назревшим потребностям крестьянства или, как говорил П. А. Столыпин, «потребности самой жизни», лишь ускорял процесс распада общины в тех регионах, где она уже фактически не существовала. Тем самым создавался альтернативный тип крестьянского хозяйства и домохозяина, более успешного и приспособленного к новым реалиям¹. Более того, по обоснованному замечанию известного историка Э. М. Щагина, для П. А. Столыпина и его соратников по реформированию разрушение общины ни в экономическом, ни в политическом плане не являлось самоцелью, а было лишь одним из средств осуществления аграрных преобразований, направленных на создание мелких собственников с устойчивым хозяйством [18, с. 80–81].

Еще один распространенный стереотип состоит в том, что правительство П. А. Столыпина якобы проводило реформу в порядке административного нажима и насилия над крестьянами. Подобный упрек в адрес П. А. Столыпина является не менее традиционным для российской историографии. Случаи насилия над крестьянами упоминались многими исследователями и в дореволюционной литературе, и в научных трудах, вышедших позднее. Действительно, местные чиновники, желая искусственно форсировать ход реформы, прибегали к мерам давления, принуждая крестьян подавать заявления о выходе из общины и землеустройстве. В этом никаких сомнений быть не может.

Тем не менее реформаторский курс П. А. Столыпина изначально не предполагал применения принудительных мер к крестьянам. На это П. А. Столыпин обращал внимание в циркуляре губернаторам от 26 августа 1907 г.: «Правительство непреклонно решило дать возможность населению владеть и пользоваться землею в лучших условиях, чем ныне. Сделать это решено безо всякого насилия, так как в таком деле насилие исключает успех. Решено лишь дать возможность каждому свободно владеть своим участком, создать мелкую личную собственность. <...> ...где община жизненна, там она и сохраняется» [5, с. 171–172].

Не менее отчетливо позиция правительства была отражена в уже цитированной выше речи премьера в Государственном совете, в которой он еще раз напоминал, что политика правительства не направлена на насильственное разрушение общины: «Не во-

¹Павлова О. В. Аграрная реформа в Тверской деревне (1906–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.02. Тверь, 2006. С. 18.

дя, силою закона, никакого принуждения к выходу из общины, правительство считает совершенно недопустимым установление какого-либо принуждения, какого-либо насилия, какого-либо гнета чужой воли над свободной волей крестьянства в деле устройства его судьбы, распоряжения его надельной землей. Это главная коренная мысль, которая легла в основу нашего законопроекта» [6, с. 247].

Правительство было обеспокоено произволом местных властей и, со своей стороны, принимало все необходимые меры по пресечению подобных случаев, требуя исключить любое давление на крестьян и тщательно следить за правильным применением указа от 9 ноября 1906 г. В связи с этим в циркулярном письме от 21 января 1909 г. П. А. Столыпин разъяснял, что «вся сущность закона 9 ноября основывается исключительно только на добровольном сознании населением выгод для него от перехода к личной земельной собственности и не дает никаких прав администрации оказывать в этом отношении какое-либо давление на население. <...> Органы правительства могут лишь разъяснять населению смысл перехода к лучшим формам землевладения, ознакомлять крестьян с порядком этого перехода и его практическими и юридическими последствиями, требовать от должностных лиц исправного исполнения их обязанностей по этому рода делам, но отнюдь не могут понуждать этих лиц и вообще кого бы то ни было к переходу к личной собственности, составляющему по Указу 9 ноября 1906 г. право крестьян, воспользоваться или не воспользоваться коим всецело зависит от личного усмотрения каждого отдельного крестьянина» [5, с. 230].

Таким образом, П. А. Столыпин был непримиримым противником каких-либо принудительных мер, неоднократно указывал на их недопустимость и незаконность. Подобные меры противоречили основополагающей идее столыпинского аграрного законодательства, которое не являлось инструментом принудительной ликвидации общины, а обеспечивало крестьянам право добровольного перехода от общинного владения к личному, но не обязывало их к этому. Непременный член Калужской уездной землеустроительной комиссии Г. А. Ермолов, опровергая обвинения в насилии, писал: «...едва ли может подлежать сомнению, что в таком громадном деле, как землеустройство, деле, затрагивающем внутреннюю жизнь крестьян, невозможно было бы достигнуть каких-либо благоприятных результатов путем насилия. Я еще могу поверить, что единичные дела могли быть проведены таким образом, но, чтобы где-либо это было введено в систему и чтобы эта система дала благие результаты и оказалась жизненной, – это может утверждать лишь лицо, совершенно незнакомое ни с бытом, ни с характером крестьян» [19, с. 45]. В наши дни необоснованность тезиса о повсеместном принуждении весьма убедительно показана в одной из работ

историка М. Д. Карпачева, который, исследовав цели и результаты Столыпинской аграрной реформы на материалах Воронежской губернии, констатировал отсутствие фактов принудительного роспуска общины в губернии [20, с. 74]. Даже такой убежденный критик реформы, как В. П. Данилов, в одной из последних своих работ вынужден был признать, «что принудительность все-таки не приняла всеобщего и исчерпывающего характера, реформаторы не встали на путь безудержного форсирования развала общинного уклада (как это случилось в годы сталинской коллективизации)» [21, с. 637].

Итак, тезис о крахе реформы по причине неполного разрушения общины является несостоятельным. П. А. Столыпин, прекрасно понимая, что далеко не все крестьяне желают перехода к единоличному хозяйству, вовсе не собирался в приказном порядке сделать всех крестьян частными землевладельцами. Насильно из общины никого не выгоняли, крестьянам предоставлялась полная свобода в выборе формы землепользования. В связи с этим оценивать конечные результаты реформы по количеству крестьянских дворов, покинувших общину, а также по количеству созданных хуторских хозяйств, как это делают многие исследователи, ошибочно. Подобный подход является в корне неверным, и от него необходимо отказаться.

Выход крестьян из общины и укрепление надельной земли в личную собственность – лишь начальный этап реформирования, на что неоднократно указывал П. А. Столыпин. Так, например, в циркуляре губернаторам от 19 июня 1910 г. П. А. Столыпин подчеркивал, «что в землеустроительных начинаниях правительства укрепление надельной земли в личную собственность является лишь переходною ступенью, конечная же цель их заключается в устранении чересполосности и других недостатков существующего землепользования» [22, с. 704].

На втором этапе, начавшемся после издания закона 29 мая 1911 г., главным стержнем в реализации реформы выступало землеустройство, в ходе которого каждый домохозяин без предварительного укрепления надела при проведении землеустроительных работ становился собственником своего участка, получая на руки удостоверительный акт на землю. Поэтому неудивительно, что на данном этапе количество заявлений об укреплении снижалось, что давало повод противникам реформы утверждать о ее провале и игнорировать итоги и значение землеустройства, в особенности группового. Например, уже упомянутый А. М. Анфимов падение числа выходов из общины называл «катастрофическим для столыпинских реформаторов» [1, с. 122]. Между тем землеустройство занимало в реформировании гораздо более значимое место, чем простое закрепление наделов в личную собственность. Оно имело огромное значение в контексте рационализации крестьянских хозяйств, важным шагом на пути

к поднятию культуры земли, а именно эта цель являлась ключевой в реформировании. Недаром в докладе, прочитанном в Вольном экономическом обществе в начале апреля 1917 г., известный знаток аграрного строя России Б. Д. Бруцкус, отмечая несомненный успех столыпинского землеустройства, призывал Временное правительство и в дальнейшем не отказываться «от этой важной для сельского хозяйства меры единственно потому, что ее выдвинул старый режим» [23, с. 21].

Снижение числа выходов из общины сопровождалось ростом прошений о землеустройстве, число которых в 1913 г. в пять раз превышало число ходатайств за 1907 г. и в три раза – за 1908 г. По сравнению с 1910 и 1911 гг. число ходатайств увеличилось на 70 и 63 % соответственно. Характерно, что рост числа ходатайств наблюдался во всех губерниях, где были учреждены землеустроительные комиссии². Например, в Тверской губернии количество ходатайств за 1912–1913 гг. составляло 51 % от их общего числа³. В Московской губернии за 9 месяцев 1912 г. выдвинулось в 30 раз больше хозяйств, чем в 1908 г., и на 67 % больше, чем в 1909 г.⁴ В итоге площадь завершенных и подготовительных землеустроительных работ с учетом землеустройства на землях Крестьянского банка и в Сибири охватывала огромную территорию, равную площади современных Франции, Бельгии, Швейцарии и Австрии, вместе взятых [24, с. 805]. Впечатляющий рост объемов производимых землеустроительных работ сопровождался улучшением их качества.

Таким образом, темпы проведения реформы не только не замедлились, но даже ускорились, в связи с чем никак нельзя говорить о ее провале после 1910 г. Оценивать результаты Столыпинской аграрной реформы следует исключительно на основании количества заявлений о выходе из общины и ходатайств о землеустройстве. В таком случае становится очевидным, что реформа не исчерпала свой потенциал, а, по сути, только набирала ход. Об этом умалчивала одиозная советская историография, ибо, если не было спада реформы, все разговоры о ее крахе лишались твердой почвы.

В проведенном исследовании не находит также подтверждения тезис о повсеместном применении принуждения в отношении крестьян. Как было показано, злоупотребления на местах наблюдались лишь в отдельных районах, происходили вопреки указаниям правительства и объяснялись главным образом некомпетентностью, карьеристскими устремлениями и личными качествами местных чиновников [16, с. 156], что при грандиозном масштабе преобразований являлось вполне закономерным.

Очень важно отметить, что многие упоминаемые в трудах историков примеры массового силового давления на крестьян приводятся без достаточной доказательной базы, очень часто даже без единой ссылки на источники. Так, для С. А. Сафронова вывод об административно-принудительном характере реформы является очевидным и не требующим каких-либо доказательств [25, с. 455]. П. Н. Зырянов, подчеркивавший в своих работах насильственный характер реформы, «многообразное и неустанное, законное и незаконное давление центральных и местных властей на общину», в качестве доказательства также приводил лишь один пример [26, с. 134–135; 27, с. 59–60]. Историк А. П. Корелин писал, что, «несмотря на массивное административное давление, а может быть отчасти и в результате его, значительные массы крестьян выступили против насильственного разрушения общины», и тут же следовала оговорка, что «открытых выступлений было не так много» [28, с. 105].

Насильственный и антикрестьянский (как считали советские исследователи) характер реформы должен был вызвать массовые протесты крестьян и волну аграрных беспорядков. Известный советский историк С. М. Дубровский на основании данных Департамента полиции (который, безусловно, фиксировал все случаи крестьянских выступлений), привел статистические подсчеты, которые однозначно свидетельствуют о том, что массовых протестов крестьян против Столыпинской аграрной реформы не было [29]. Так, в монографии ученого представлена информация об общем количестве крестьянских выступлений в 1890–1917 гг. [29, с. 518, табл. 212], а также данные по выступлениям крестьян непосредственно против реформы [29, с. 551, табл. 222]. Сопоставление этих сведений позволяет сделать однозначный вывод о том, что в общем количестве крестьянских выступлений протесты против реформы были крайне незначительными, несмотря на то что сам С. М. Дубровский считал иначе. Также историк привел данные о характере крестьянских выступлений, указывающие на то, что подавляющее большинство аграрных волнений было направлено против помещиков [29, с. 536, табл. 218].

В российской историографии, особенно советского периода, наблюдалась тенденция к преувеличению масштабов неприятия реформы крестьянами. Так, Г. А. Герасименко писал, что «столкновения и конфликты имели место во всех регионах страны безотносительно к тому, какая система землепользования там преобладала» [33, с. 173]. Однако это утверждение историка является необоснованным и опровергается донесениями губернаторов, предо-

²Комитет по землеустроительным делам. Краткий очерк за десятилетие. 1906–1916. Петербург : Т-во Р. Годице и А. Вильборг, 1916. С. 60.

³Павлова О. В. Аграрная реформа в Тверской деревне (1906–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.02. Тверь, 2006. С. 18.

⁴Личное крестьянское землевладение в Московской губернии в 1907–1912 гг. М. : Тип. Рус. т-ва, 1913. С. 26.

ставленными в Земский отдел МВД в августе – ноябре 1911 г., согласно которым в 22 из 47 случаев в губерниях Европейской России массовых протестов, вылившихся в серьезные конфликты и беспорядки, зафиксировано не было [31, с. 209–210]. Происходившие выступления крестьян зачастую объяснялись не протестами против реформы как таковой, а спорами и разногласиями между общинниками и выделяющимися. Вполне понятно, что раздел земли для крестьян являлся вопросом крайне болезненным. При этом, вопреки устоявшимся представлениям, противоречия между крестьянами не носили массового характера. В начале 1909 г. в Санкт-Петербурге состоялся съезд непременных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий. Материалы съезда передают весьма целостную картину настроений крестьян и их восприятия проводимой реформы. Так, непременный член Нижегородского губернского присутствия отмечал, что «ни враждебного отношения, ни тем более открытого насилия со стороны общинников к выделившим и укрепившим землю не наблюдалось...»⁵. Земский начальник Холмского уезда Псковской губернии докладывал, что «отношение крестьян к укрепившим свои наделы и к хуторянам самое дружелюбное, причем последние пользуются особым уважением общинников, сознающих прекрасно всю выгоду хуторского хозяйства, но вместе с тем еще недостаточно решительными, чтобы последовать их примеру»⁶.

Одним из заблуждений критиков реформы является утверждение о том, что выход крестьян из общины совершался повсеместно в административном порядке по постановлениям земских начальников. Между тем материалы по Калужской губернии говорят об обратном: подавляющее большинство выделяющихся домохозяев (74 %) получили согласие сельских сходов, и лишь 26 % крестьян укрепили землю на основании постановлений земских начальников [32, с. 159]. В Витебской губернии эти цифры были еще более внушительными: 85 % укреплений состоялось по приговорам обществ⁷. Некоторое увеличение числа протестов в годы Первой мировой войны было связано с тем, что общинники выступали против проведения землеустройства в условиях, когда огромное число домохозяев находились на фронте, и требовали переноса этих работ на мирное время. Продолжение реформы в условиях военного времени воспринималось общинниками как дело сомнительное и несправедливое⁸. Не желая нарушать интересы крестьян, главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Криво-

шеин 29 апреля 1915 г. издал циркуляр о временном приостановлении землеустроительных работ до возвращения находящихся в действующей армии домохозяев. Очевидно, что в понимании П. А. Столыпина и его единомышленников ни о каком насилии в данном случае речь идти не может.

Кроме того, выводы, к которым пришел Г. А. Герасименко, строились во многом на материалах оппозиционной дореволюционной печати, страницы которой просто пестрели от критических публикаций и заметок, многие факты в которых сильно искажались.

Общую тональность таких материалов исчерпывающе охарактеризовал публицист Б. Юрьевский: «Любой, даже непроверенный слух о неудачной землеустроительной работе моментально комментируется в самых различных органах печати, переносится в ежемесячные журналы, в коих производится тщательная сводка таких неудачных примеров, приведенных в газетах. Между тем как об удачно исполненных работах оппозиционная печать сведений никогда, конечно, не дает. Для непосвященных в дело широких слоев общества не трудно при таких условиях сделать вывод, что землеустройство проводится в большинстве случаев крайне неудачно» [33, с. 6].

Таким образом, реформа, вопреки распространенному убеждению, не вызывала у крестьян массового отторжения. Крестьянские выступления в большинстве случаев были спровоцированы революционной пропагандой, носили единичный характер и не отражали настроения всего крестьянства. Естественно, у крестьян, которые узнавали о реформе по ложным слухам, формировались настороженность и недоверие к правительственным начинаниям. Например, под влиянием революционной пропаганды часть крестьян Чистопольского уезда Казанской губернии считали, что нужно любыми способами настраивать односельчан против землеустройства [34, с. 239]. Тем не менее Б. Д. Бруцкус был не столь далек от истины, когда писал, что реформа «ни разу не вызвала ни одной серьезной вспышки народного неудовольствия» [35, с. 131].

Если принять во внимание, что более 25 % домохозяев заявили о своем желании выйти из общины, 47 % крестьян ходатайствовали о проведении землеустройства и при этом около половины всех поступивших прошений не были вовремя удовлетворены землеустроительными комиссиями, становится очевидным, что правительству абсолютно незачем было форсировать ход реформы, прибегая к принудитель-

⁵Труды съезда непременных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий 10–23 января 1909 г. СПб. : Тип. МВД, 1909. С. 263.

⁶Там же. С. 264.

⁷Там же. С. 259.

⁸Шевелева О. В. Сельскохозяйственное развитие Великорусской провинции и Столыпинская аграрная реформа в годы I мировой войны (по материалам Тульской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Тула, 2008. С. 22.

ным мерам. И без того производство работ, несмотря на увеличение к 1914 г. штата землемеров почти в 10 раз (с 650 до 6397 человек), значительно отставало от количества ходатайств, удовлетворения которых крестьянам приходилось ожидать иногда по нескольку лет. Например, в 1913 г. удалось закончить работы только для трети всех ходатайствующих.

В целом перестройка аграрных отношений осуществлялась на здоровой и добровольной основе. При прямом или косвенном давлении местных властей общину покинуло предположительно не более 20–25 % домохозяев [31, с. 162]. Разумеется, это не могло оказать существенного влияния на общий ход реформы. Несмотря на все издержки (на которые указывал и сам реформатор), подавляющее большинство крестьян перешло к новым формам хозяйствования исключительно по внутреннему убеждению, осознавая выгодность такого шага и, как совершенно справедливо отмечал П. А. Столыпин, «безрассудно было бы думать, что такие ре-

зультаты достигнуты по настоянию правительственных чинов» [6, с. 252].

Таким образом, все претензии, которые предъявлялись к аграрной реформе П. А. Столыпина: ее искусственный характер, насильственное разрушение общины, несоответствие преобразований традициям и менталитету крестьянства и т. п., – выдвигались и в отношении аналогичных реформ в других странах Европы и также оказались несостоятельными [15, с. 239]. По замыслу П. А. Столыпина, столь грандиозная по своим масштабам земельная реформа должна была проводиться в течение 6–7 трехлетий, т. е. примерно 20 лет. Учитывая, что Первая мировая война приостановила реализацию реформы, а после февральских событий 1917 г. она была и вовсе прекращена постановлением Временного правительства, было бы уместнее говорить лишь о промежуточных результатах, которые, учитывая короткие сроки преобразований, несомненно, оказались весьма значительными.

Библиографические ссылки

1. Анфимов АМ. *Столыпин и российское крестьянство*. Москва: Институт российской истории РАН; 2002. 299 с.
2. Максимов СВ. *Столыпинское землеустройство (1906–1916 гг.)*. Арзамас: Издательство АГПИ имени А. П. Гайдара; 1999. 167 с.
3. Ефременко АВ. *Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины*. Ярославль: Ремдер; 2002. 532 с.
4. Дунаева НА. *Модернизационные процессы в поволжской деревне в 1907–1917 гг.* Ульяновск: Качалин Александр Васильевич; 2012. 282 с.
5. Столыпин ПА. *Грани таланта политика*. Пожигайло ПА, редактор. Москва: РОССПЭН; 2006. 623 с.
6. Столыпин ПА. *Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете, 1906–1911 гг.* Фельштинский ЮГ, составитель. Москва: Молодая гвардия; 1991. 411 с.
7. Столыпин ПА. *Программа реформ. Документы и материалы. Том 1*. Пожигайло ПА, редактор. Москва: РОССПЭН; 2002. 764 с.
8. Вронский ОГ. *Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917)*. Москва: МПГУ; 2000. 417 с.
9. Ковалев ДВ. *Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX в. (на материалах Московской губернии)*. Москва: МПГУ; 2004. 305 с.
10. Ковалев ДВ. Правовые компромиссы в земельной политике П. А. Столыпина. *Вопросы истории*. 2018;7:43–49.
11. Лежнева ОН, составитель. *Дебаты о земле в Государственной Думе (1906–1917 гг.)*. Документы и материалы. Москва: [б. и.]; 1995. 395 с.
12. Столыпин ПА. *Переписка*. Пожигайло ПА, редактор. Москва: РОССПЭН; 2004. 704 с.
13. Литошенко ЛН. *Социализация земли в России*. Новосибирск: Сибирский хронограф; 2001. 536 с.
14. Семенов СТ. *Крестьянское переустройство. Три статьи*. Москва: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнев и К°; 1915. 87 с.
15. Миронов БН. *Российская империя: от традиции к модерну. Том 2*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2015. 896 с.
16. Тюкавкин ВГ. *Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа*. Москва: Памятники исторической мысли; 2001. 304 с.
17. Лосицкий АЕ. *К вопросу об изучении степени и форм распада общины. Укрепления наделов в полную собственность. Удостоверительные акты. Выходы на хутора и отруба*. Москва: Печатня С. П. Яковлева; 1916. 57 с.
18. Шагин ЭМ. *Столыпинская аграрная реформа: ее результаты и судьба*. В: Шагин ЭМ. *Очерки истории России, ее историографии и источниковедения (конец XIX – середина XX в.)*. Москва: Гуманитарный издательский центр «Владос»; 2008. с.79–94.
19. Трухачев СФ, редактор. *Землеустройство в Калужском уезде*. Калуга: Типография Калужской губернской земельной управы; 1915. 47 с.
20. Карпачев МД. *Столыпинские аграрные реформы в восприятии Воронежского крестьянства*. *Исторические записки*. 1996;1:66–80.
21. Данилов ВП. *Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.)*. В: Данилов ВП. *История крестьянства России в XX в. Избранные труды. Часть 2*. Москва: РОССПЭН; 2011. с. 630–648.
22. Гутерц АВ, составитель. *Столыпинская реформа и землеустроитель А. А. Кофод. Документы, переписка, мемуары*. Москва: Русский путь; 2003. 744 с.

23. Бруцкус БД. *К современному положению аграрного вопроса*. Петербург: Типография В. Ф. Киришбаума; 1917. 32 с.
24. Давыдов МА. *Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте – Столыпина*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Алетей; 2016. 1080 с.
25. Сафронов СА. П. А. Столыпин: реформатор на фоне аграрной реформы. Том 2. Красноярск: Сибирский федеральный университет; 2015. 457 с.
26. Зырянов ПН. *Крестьянская община Европейской России, 1907–1914 гг.* Москва: Наука; 1992. 256 с.
27. Зырянов ПН. *Петр Столыпин. Политический портрет*. Москва: Высшая школа; 1992. 159 с.
28. Корелин АП. Реформы П. А. Столыпина: исторический опыт и уроки. *Труды Института российской истории*. 1997;11:88–115.
29. Дубровский СМ. *Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в.* Москва: Издательство Академии наук СССР; 1963. 599 с.
30. Герасименко ГА. *Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики*. Саратов: Издательство Саратовского университета; 1985. 342 с.
31. Климин ИИ. *Столыпинская аграрная реформа и становление крестьян-собственников в России*. Санкт-Петербург: Клио; 2002. 335 с.
32. Панасюк ВВ. Столыпинская аграрная реформа и российская провинция (по материалам Калужской губернии). *Российская история*. 2017;1:157–167.
33. Юрьевский Б. *Правительство и земля*. Санкт-Петербург: Сельский вестник; 1912. 69 с.
34. Кабытов ПС. Власть и крестьянство Поволжья в период проведения Столыпинской земельной реформы. В: Юрченков ВА, редактор. *Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья; 21-23 мая 2003 г.; Саранск, Россия*. Саранск: НИИГН при Правительстве Республики Мордовия; 2004. с. 234–243.
35. Бруцкус БД. *Аграрный вопрос и аграрная политика*. Петербург: Право; 1922. 234 с.

References

1. Anfimov AM. *Stolypin i rossiiskoe krest'yanstvo* [Stolypin and the Russian peasantry]. Moscow: Institute of the Russian History, Russian Academy of Science; 2002. 299 p. Russian.
2. Maksimov SV. *Stolypinskoe zemleustroistvo (1906–1916 gg.)* [Stolypin land management (1906–1916)]. Arzamas: A. P. Gaidar Arzamas State Pedagogical Institute; 1999. 167 p. Russian.
3. Efrementko AV. *Zemskaya agronomiya i ee rol' v evolyutsii krest'yanskoi obshchiny* [Zemstvo agronomy and its role in the evolution of the peasant community]. Yaroslavl: Remder; 2002. 532 p. Russian.
4. Dunaeva NA. *Modernizatsionnye protsessy v povolzhskoi derevne v 1907–1917 gg.* [The processes of modernization in the Volga village in the years 1907–1917]. Ulyanovsk: Kachalin Aleksandr Vasil'evich; 2012. 282 p. Russian.
5. Stolypin PA. *Grani talanta politika* [Facets of political talent]. Pozhigajlo PA, editor. Moscow: ROSSPEN; 2006. 623 p. Russian.
6. Stolypin PA. *Nam nuzhna Velikaya Rossiya... Polnoe sobranie rechei v Gosudarstvennoi dume i Gosudarstvennom sovete, 1906–1911 gg.* [We need a Great Russia... Complete collection of speeches in The state Duma and State Council, 1906–1911]. Felshinskii YuG, compiler. Moscow: Molodaya gvardiya; 1991. 411 p. Russian.
7. Stolypin PA. *Programma reform. Dokumenty i materialy. Tom 1* [Reform programme. Documents and materials. Volume 1]. Pozhigajlo PA, editor. Moscow: ROSSPEN; 2002. 764 p. Russian.
8. Vronskij OG. *Gosudarstvennaya vlast' Rossii i krest'yanskaya obshchina v gody «velikikh potryasenii» (1905–1917)* [The state power of Russia and the peasant community during the «great upheavals» (1905–1917)]. Moscow: Moscow State Pedagogical University; 2000. 417 p. Russian.
9. Kovalev DV. *Agrarnye preobrazovaniya i krest'yanstvo stolichnogo regiona v pervoi chetverti XX v. (na materialakh Moskovskoi gubernii)* [Agrarian transformations and peasantry of the capital region in the first quarter of the 20th century (based on the materials of the Moscow province)]. Moscow: Moscow State Pedagogical University; 2004. 305 p. Russian.
10. Kovalev DV. Legal trade-offs in the land policy of P. A. Stolypin. *Voprosy istorii*. 2018;7:43–49. Russian.
11. Lezhneva ON, compiler. *Debaty o zemle v Gosudarstvennoi Dume (1906–1917 gg.)*. *Dokumenty i materialy* [Debates on land in The state Duma (1906–1917). Documents and materials]. Moscow: [s. n.]; 1995. 395 p. Russian.
12. Stolypin PA. *Perepiska* [Correspondence]. Pozhigajlo PA, editor. Moscow: ROSSPEN; 2004. 704 p. Russian.
13. Litoshenko LN. *Sotsializatsiya zemli v Rossii* [Socialization of land in Russia]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf; 2001. 536 p. Russian.
14. Semenov ST. *Krest'yanskoe pereustroistvo. Tri stat'i* [Peasant perestroika. Three articles]. Moscow: Tipo-litografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i K°; 1915. 87 p. Russian.
15. Mironov BN. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu. Tom 2* [The Russian Empire: from tradition to modern. Volume 2]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin; 2015. 896 p. Russian.
16. Tjukavkin VG. *Velikorusskoe krest'yanstvo i Stolypinskaya agrarnaya reforma* [The great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reform]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli; 2001. 304 p. Russian.
17. Losickij AE. *K voprosu ob izuchenii stepeni i form raspadeniya obshchiny. Ukrepleniya nadelov v polnuyu sobstvennost'. Udostoveritel'nye akty. Vykhody na khutora i otruba* [On the question of studying the degree and forms of community disintegration. Fortifications of allotments in full ownership. Certificates of identification. Access to the farm and cut]. Moscow: Pechatnya S. P. Yakovleva; 1916. 57 p. Russian.
18. Shchagin EM. [Stolypin's agrarian reforms: its results and the fate of]. In: Shchagin EM. *Ocherki istorii Rossii, ee istoriografii i istochnikovedeniya (konets XIX – seredina XX v.)* [Essays on the history of Russia, its historiography and source studies (late 19th – middle of 20th century)]. Moscow: Gumanitarnyi izdatel'skii tsentr «Vlados»; 2008. p. 79–94. Russian.
19. Truhachev SF, editor. *Zemleustrojstvo v Kaluzhskom uезде* [Land management in the Kaluga district]. Kaluga: Tipografiya Kaluzhskoi gubernskoi zem upravy; 1915. 47 p. Russian.

20. Karpachev MD. [Stolypin agrarian reforms in the perception of the Voronezh peasantry]. *Istoricheskie zapiski*. 1996;1:66–80. Russian.
21. Danilov VP. [The fate of agriculture in Russia (1861–2001)]. In: Danilov VP. *Istoriya krest'yanstva Rossii v XX v. Izbrannye trudy. Chast' 2* [History of the peasantry of Russia in the 20th century. Selected works. Part 2]. Moscow: ROSSPEN; 2011. p. 630–648. Russian.
22. Guterc AV, compiler. *Stolypinskaya reforma i zemleustroitel' A. A. Kofod. Dokumenty, perepiska, memuary* [Stolypin reform and land surveyor A. A. Kofod. Documents, correspondence, memoirs]. Moscow: Russkii put'; 2003. 744 p. Russian.
23. Bruckus BD. *K sovremennomu polozheniyu agrarnogo voprosa* [To the present state of the agrarian question]. Peterburg: Tipografiya V. F. Kirshbauma; 1917. 32 p. Russian.
24. Davydov MA. *Dvadtsat' let do Velikoi voiny: rossiiskaya modernizatsiya Vitte – Stolypina*. [Twenty years before the Great War: the Russian modernization of Witte-Stolypin]. 2nd edition. Saint Petersburg: Aleteiya; 2016. 1080 p. Russian.
25. Safronov SA. *P. A. Stolypin: reformator na fone agrarnou reformy. Tom 2* [P. A. Stolypin: reformer against the background of agrarian reform. Volume 2]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University; 2015. 457 p. Russian.
26. Zyrjanov PN. *Krest'yanskaja obshchina Evropeiskoi Rossii, 1907–1914 gg.* [Peasant community of European Russia, 1907–1914]. Moscow: Nauka; 1992. 256 p. Russian.
27. Zyrjanov PN. *Petr Stolypin. Politicheskii portret* [Peter Stolypin. Political portrait]. Moscow: Vysshaya shkola; 1992. 159 p. Russian.
28. Korelin AP. [P. A. Stolypin's reforms: historical experience and lessons]. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii*. 1997;11: 88–115. Russian.
29. Dubrovskij SM. *Stolypinskaya zemel'naya reforma. Iz istorii sel'skogo khozyaistva i krest'yanstva Rossii v nachale XX v.* [Stolypin land reform. From the history of agriculture and peasantry in Russia at the beginning of the 20th century]. Moscow: Publishing House by the Academy of Sciences of USSR; 1963. 599 p. Russian.
30. Gerasimenko GA. *Bor'ba krest'yan protiv stolypinskoi agrarnoi politiki* [The struggle of the peasants against Stolypin's agrarian policy]. Saratov: Publishing House by the Saratov University; 1985. 342 p. Russian.
31. Klimin II. *Stolypinskaya agrarnaya reforma i stanovlenie krest'yan-sobstvennikov v Rossii* [Stolypin agrarian reform and the formation of peasant proprietors in Russia]. Saint Petersburg: Klio; 2002. 335 p. Russian.
32. Panasjuk VV. Stolypin's land reform and Russian reions (the case of Kaluga province). *Rossiiskaya istoriya*. 2017;1:157–167. Russian.
33. Juryevskij B. *Pravitel'stvo i zemlya* [The government and the land]. Saint Petersburg: Sel'skii vestnik; 1912. 69 p. Russian.
34. Kabytov PS. [Power and peasantry of the Volga region during the Stolypin land reform]. In: Jurchenkov VA, editor. *Krest'yanstvo i vlast' Srednego Povolzh'ya. Materialy VII mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya; 21–23 maya 2003 g.; Saransk, Rossiya* [Peasantry and power of the Middle Volga region. Materials of the VII interregional scientific and practical conference of agricultural historians of the Middle Volga region; 2003 May 21–23; Saransk, Russia]. Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia; 2004. p. 234–243. Russian.
35. Bruckus BD. *Agrarnyi vopros i agrarnaya politika* [Agrarian question and agricultural policy]. Peterburg: Pravo; 1922. 234 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.01.2020.

Received by editorial board 14.01.2020.